

Марк Рабинович

Старость

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Марк Рабинович

Старость

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рабинович М.

Старость / М. Рабинович — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96310-8

Эта книга хронологически завершает пентологию, начатую "Приговоренными к жизни". Стэнли Кранц, герой повести "Сабра", изрядно постаревший и вышедший на пенсию, пытается выручить из тюрьмы невесту своего сына. Он еще не знает, с какими могучими силами ему придется бороться в Стамбуле, Иерусалиме и Подмосковье. В этом ему помогут как старые друзья: Клод, Йорам, Сергей Ингинен, так и новые персонажи. А ведь Стэнли еще надо разобраться с Иерусалимом, который снова начал задавать непростые вопросы. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-96310-8

© Рабинович М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Израиль	5
Глава 2. Хрябинск. Московская область	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Марк Рабинович

Старость

Глава 1. Израиль

Мой второй месяц на пенсии начался также, как и первый. Покойный дядя Натан говорил, что главное в пенсии – это дожить до нее. Вот только мой скромный опыт первого месяца показал, что этого недостаточно. Наша молодежь еще готова была терпеть пожилого архитектора программного обеспечения, хотя и не понимала, для чего вообще эти архитекторы нужны. Но видеть в этой роли пенсионера, ассоциирующегося у них с инвалидом умственного труда... На такое не хватит уже никакой толерантности. А я еще не настолько выжил из ума, чтобы этого не заметить, хотя ребята изо всех сил старались быть политкорректными. В общем, к концу первого своего пенсионного месяца я начал всерьез задумываться о рыбной ловле и разведение маргариток, а в начале второго начал посматривать на каталоги яхт, прикидывая, смогу ли я позволить себе курсировать между домом и внуками в Штатах весь остаток жизни. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что Стэнли Кранц с жиру бесится. Действительно, чего мне не хватает для полного счастья? Недавно, мы с Наоми приобрели славенькую квартиру с балкона которой можно наблюдать и восход над Самарией и закат над Средиземным морем. На мой взгляд, южные районы Нетании идеально подходят для того, чтобы прожить остаток жизни, особенно, если у тебя есть возможность приобрести квартиру около берега. Вот только делать в этой квартире будет совершенно нечего, поэтому мне и пришла в голову отчаянная и безумная мысль о яхте.

Такие мысли обычно приходят в голову по выходным, когда все дела сделаны и не знаешь, чем себя занять. Наоми была в отъезде, дел по дому не было и поэтому меня одолевали праздные мысли. Я выглянул из окна гостинной: дул легкий береговой бриз, нагоняя не слишком большие пологие волны. Не ленись, Стэнли, подумал я, сходи поплавай, пока послеполуденный ветер не нагнал волну. Пять минут и ты на пляже, надо только спуститься по лестнице с обрыва. Всего лишь 142 ступеньки вниз, а потом столько же вверх... Я пока еще могу себе это позволить. А потом неспешно проплыть брассом несколько раз взад-вперед и завершить свой ленивый заплыв стометровкой стилем кроль, чтобы размять плечевые суставы. Всех проблем это не решит, но, по крайней мере, даст заряд бодрости до вечера. Я натянул плавки и стыдливо прикрыл их длинной футболкой. Вперед! И в этот момент зазвонил телефон.

Как ни странно, это звонил Борька, что было более чем необычно. Нет, он вовсе не чурался нас с матерью, но звонить просто так было ему совсем не свойственно. Он просто физически был не в состоянии обсуждать мировые проблемы, здоровье или погоду. Ну а когда надо было поддерживать родственные отношения с неинтересными ему людьми, то он просто зверел. Особенно это относилось к Розенфельдам из Йоркшира, которых он терпеть не мог, тем более, что сейчас они жили в Беер Шеве. Но мы знали, что случись что с одним из нас, и Борька немедленно примчится, бросив все. А вот услышать его голос без всякой причины шансов у нас не было. Именно поэтому его звонок в пятницу утром меня насторожил.

— Привет, папа – начал он, и тут же перешел к делу – Нам надо поговорить.

— Говори – лаконично предложил я.

— Это не телефонный разговор – он замялся – Давай я к тебе приеду.

Вот те на! Это что же такое произошло, подумал я? Но озвучил только короткое:

— Приезжай.

От Борькиного дома в Тель-Авиве до нас полчаса езды и все эти полчаса я гадал о том, что он мне расскажет. Отношения у нас с ним неплохие, хотя и не скажу, чтобы очень уж теп-

лые. В детстве он одно время очень обижался на то, что его называли Борисом и справедливо обвинял в этом меня. Надо сказать, что имя ему действительно выбрал я в силу не совсем понятной мне самому сентиментальности. Наоми с большим скрипом со мной согласилась, что, учитывая права матери, было большим подвигом с ее стороны. В результате, в школе и потом часто интересовались, почему у него русское имя. Далеко не со всеми и не всегда он был настолько откровенен, чтобы пересказывать мои сомнительные подвиги на том берегу Суэца, и объяснять этим мою прихоть. Боюсь, что для нас с Наоми, с нашей английской и ивритской речью, произносить его имя было не так легко. К тому же, наши "русские" друзья годами пытались безуспешно доказать, что в слове "Борис" ударение падает на последний слог, но помогало это весьма слабо. Проблема неожиданно разрешилась, когда в старших классах у сына появилась "русская" девочка, которую, к счастью, звали не Наташа, а Юлия. Эта самая Юлия называла его не иначе как "Борька". И хотя после армии она бросила нашего сына и внезапно вышла замуж, это уменьшительное так прижилось, что с тех пор мы с матерью его иначе и не называли, да и сам он привык и представляется так своим многочисленным женщинам и своим не менее многочисленным знакомым.

— Папа, мне надо срочно выехать в Москву – выпалил Борька, едва войдя в дверь.

Я не удивился. Борька всегда был настроен романтически, впрочем, как и я в молодости. Но он-то не остыл и к своим почти сорока годам, виной чему было отсутствие рядом с ним такого стабилизирующего фактора, как моя жена. Поэтому он периодически встревал во всевозможные авантюры, порой весьма далеко от дома. Я, например, до сих пор не знаю, что он делал два года на Кубе, и имею весьма смутное представление об антарктической экспедиции, в которой он принимал участие. Так что, Россия в этом ряду выглядела более, чем пристойно. И все же... Но самым разумным было дать ему высказаться.

— Ты, конечно, слышал, про дело Хадассы Бар-Нахман? – продолжил он.

Еще бы, я не слышал. Этим были полны газеты, которые я, впрочем, давно не читаю, новостные сайты и радиопередачи. У меня, как и у большинства израильтян, выработалась устойчивая привычка слушать новости каждый час проведенный в машине. И эти передачи уже который день начинались с новостей об Хадассе. Но при чем тут наш Борька?

— Поэтому мне надо в Москву... – продолжил сын.

Я по-прежнему не улавливал связи, но зато хорошо понимал, почему он заявился ко мне. Дело в том, что Борька принципиально не признавал запретов и руководствовался лишь своей собственной, довольно эгоистичной логикой. Здесь, в Израиле, где чувство юмора впитывают с молоком матери даже будущие чиновники, в местных бюрократических структурах к нему относились снисходительно и ему многое сходило с рук. А вот несколько лет назад в России он нарвался по-крупному. Вероятно, он был настолько вдохновлен моими рассказами о волшебном городе Санкт-Петербурге, что решил посетить его со своей тогдашней подружкой. Как назло, у этой подружки (хоть убей не вспомню как ее звали) что-то там было не так в документах. Борька потом утверждал, что у нее отклеился листочек в паспорте, но мне это представлялось сомнительным, уж слишком это выглядело глупо даже для самых тупых чиновников. Как бы то ни было, подружку завернули на границе, а Борька устроил такой грандиозный скандал, что его тоже выперли, занеся при этом в список нон-грата. Надо полагать, он снова попытался оперировать своей логикой и нарвался на чиновника без чувства юмора. Как бы то ни было, но дорога в Россию ему была теперь заказана. Правда в российском посольстве ему сказали, что покаянное письмо может все исправить, но мой Борька гордо встал в позу. А вот теперь ему приспичило в Москву, и он пришел ко мне потому что отец уже не раз вытаскивал его из затруднительных положений. Разумеется, он ожидал от меня чуда, оптимистично считая что раз правда на его стороне, то и справедливость должна быть там же. Вообще-то, когда тебе под сорок, можно было бы быть и менее наивным. Но сейчас меня больше интересовало то, что его связывало с Хадассой Бар-Нахман. Озвучивать свой вопрос мне не пришлось.

— Понимаешь, папа – пояснил Борька – Мы с Хадассой уже давно вместе.

Слово "давно" в его устах могло означать от двух дней до двух лет, но сейчас мой безалаберный сын был настолько серьезен, что я бы предположил два года. Сама новость не произвела на меня должного впечатления, поскольку от Борьки и не такого можно было ожидать.

— И как только эти патроны оказались в ее чемодане? – возопил Борька.

Его каждый раз возмущала любая несправедливость, допущенная судьбой по отношению к нему и его близким, причем свежесть восприятия не уменьшилась с годами. Сам вопрос был, разумеется, риторическим, для любого, кто знаком с нашей действительностью; в чемодан израильтянина пара патронов от армейской винтовки могли попасть множеством разных способов. Например, девушка могла одолжить свой чемодан тому же Борьке для поездки на сборы, и похоже, что именно так оно и было. А уж хранить вещи в самых неожиданных местах мой сын умеет. Однажды, еще во время его срочной сужбы, Наоми вытащила гранату из грязного носка. Правда граната было шумовая, но представьте себе, сколько шуму было бы при стирке.

Так или иначе, но патроны в чемодане израильтян стали просто национальным бедствием. За границей, местные власти обычно действовали по принципу "лучше перебдеть, чем недобдеть" и таких израильтян задерживали для разбирательства. К разбирательству подключался израильский консул и, в результате, дело заканчивалось суровым внушением с конфискацией опасного оружия. Приходилось извиняться, а порой и платить штраф, но ни разу дело не дошло до обвинения. Ни разу, до тех пор, пока Хадассу Бар-Нахман не задержали в аэропорту Шереметьево с двумя винтовочными патронами в чемодане, который следовал транзитом из аэропорта Нарита в Токио в аэропорт Бен-Гурион Тель Авива. Бедную девушку немедленно арестовали, очень оперативно обвинили в контрабанде оружия и присудили к шести с половиной годам колонии обычного режима. Не знаю, что такое "обычный режим", но не думаю, что два патрона от винтовки "Тавор" на дне следующего транзитом чемодана серьезно подорвали обороноспособность Российской Федерации или стабильность правящего в ней режима.

А вот теперь все это, как выяснилось, касается моего сына, причем самым непосредственным образом. Сам он поехать не мог, это теперь было очевидно. Даже если пойти в посольство, покаяться и написать самообличительное письмо, то одни только бюрократические процедуры займут месяцы, если не годы. К тому же, борькина связь с Хадассой легко проследивается парой нажатий на клавиши, что делает снятие с него российских санкций более чем иллюзорным. Следовательно, ехать придется мне. Я это понял сразу, да и Борька явно на это подсознательно рассчитывал, не допуская крамольную мысль на более высокий уровень. Поэтому, когда я озвучил идею своей поездки, он начал было вяло возражать, но быстро перестал, убедившись, что я его все равно не слушаю. Разумеется, каждый почувствовал бы себя неудобно, когда тебя, здорового сорокалетнего мужика, выручает отец-пенсионер. Поэтому я сменил тему:

— Насколько у тебя серьезно с этой девушкой? Если я не ошибаюсь, она намного младше тебя?

— Не знаю – замялся Борька – Что ты от меня хочешь?

— Seriously, или нет?

— Вот пристал... – он начал сердиться и это было хорошо, потому что отвлекало его от ненужных мыслей.

Я пристально посмотрел на него, сознательно не озвучивая то, что, по моему мнению, читалось в моем взоре.

— На самом деле, все очень серьезно – неожиданно заявил он твердым тоном – Мы уже начали думать о ребенке.

Меня, в моем возрасте, трудно чем-либо удивить, но тут Борьке это удалось. Мы с женой давно перестали рассчитывать на внуков по борькиной линии, тем более, что наши девочки подавали в этом отношении большие надежды, а младшая их даже и осуществила. Теперь предстоящая поездка в Москву приобрела новый смысл.

Борька уехал, ворча и негодуя, но в глубине души довольный тем, что его проблемой будут заниматься. Теперь я ждал звонка Наоми, так как интуиция у нее была развита невероятно. Иногда она чувствовала, что со мной должно что-то произойти, еще до того как я сам об этом узнавал. И, действительно, она вскоре позвонила из Лексингтона, от дочки. Как-то раз мы решили показать девочкам те места, откуда мы родом. Борька отказался с нами ехать, презрительно ворча по поводу нашей старческой сентиментальности, поэтому Брайтон и Кентукки мы посетили вчетвером. Было это большой ошибкой, потому что теперь Наоми приходится мотаться между Нетанией и внуком в Лексингтоне, а вскоре ей придется и внучку в Квинсе навещать. Впрочем, я ничего против наших зятьев не имею, кроме их местоположения.

Моя любимая не успела еще ничего спросить, как я ее огорошил новостью про Борьку и его девушку.

— Ну-ну, посмотрим, какая-токая Хадасса – строго заявила она. За сорок лет, ее характер совсем не изменился. Если раньше Наоми Берковиц боялся сам Моше Даян, то теперь трепетали зятья.

— Чтобы посмотреть, мне придется полететь в Москву – объяснил я.

— В Москву? – протянула Наоми, потом, видно вспомнив наши новости, добавила – Ну да, в Москву.

Наступило напряженное молчание. Как обычно, подумал я, она сейчас что-то такое скажет, что позволит мне взглянуть на проблему с еще одной стороны. Но она только сказала:

— Не забудь свои таблетки – я ждал продолжения, и оно немедленно последовало – И не стоит тебе ехать одному. Возьми с собой кого-нибудь из "русских".

Это и был тот самый совет, которого я ждал – как всегда разумно и в точку. Мое знание русского языка оставляло желать лучшего. Много лет назад покойный дядя Натан привлек меня к одной работенке, требовавшей базового знания "великого и могучего", так что я понимал не слишком быстро речь и мог составить пару-тройку фраз. Но я, как мне кажется, до сих пор подписан под разноцветными бумажками, срок действия которых еще не истек. Так что не будем об этом. Потом в 90-е годы мне неоднократно предоставлялась возможность обновить свой русский. И все же, этого было недостаточно для серьезной поездки, не говоря уж о знании российских реалий, которые, изначально неглубокие, застыли у меня на уровне 90-х. Я перебрал в уме всех своих русскоязычных знакомых и результаты получились плачевные. По тем или иным причинам, никто из них не подходил на роль моего спутника.

— Поговорил бы ты с Йорамом – подсказала Наоми.

Она знала Йорама в основном по моим рассказам, да по паре его визитов в наш дом. В ходе этих визитов он умудрился почти ничего не сказать и этим, вероятно, заслужил ее доверие. К ее совету несомненно следовало прислушаться. Но где мне искать Йорама? Да и жив ли он еще? Вроде бы он был постарше меня. А Наоми продолжила:

— И еще... – она вдруг замолчала, и, после многозначительной паузы продолжила – ... ты уж не копай там слишком глубоко.

Я вообще не собирался копать, поэтому не отреагировал.

– Пожалуйста, будь все время со мной на связи. Люблю тебя, дед! – на этом разговор закончился.

Йорам я обнаружил в конце цепочки из примерно десятка звонков. Он был еще вполне жив и относительно здоров в небольшом доме престарелых около Кирыят Шмона. По телефону он говорить отказался и потребовал моего приезда. От Нетании до северной границы три часа езды и все эти три часа я думал о Борьке, Москве и Хадассе. А еще я немного думал о Наоми, но о ней я думаю постоянно уже сорок лет.

Йорам приветствовал меня так сдержанно и внешне безразлично, как и сорок лет назад в такси около моего дома в Бруклайне. Если закрыть глаза, подумал я, можно представить себе, что не было всех этих лет и еще жив отец. Но я не закрыл глаза. Йорам всегда выглядел без-

различным, равнодушным и бесчувственным, но я знал, что это лишь маска. Вот и сейчас, во время моего рассказа он не высказывал никаких эмоций и даже не шевелился в своем инвалидном кресле, так что стороннему наблюдателю могло бы показаться что он умер с тоски, не выдержав моего нудного рассказа.

Когда я закончил свою историю, он сказал, что ему необходимо сделать пару звонков. Не знаю, кому он там звонил, потому что меня он выгнал из комнаты, предварительно заставив проверить уровень зарядки своего телефона. Наверное, это было существенно, потому что разговаривал он довольно долго.

— Надеюсь, Стэнли, ты научился хоть чему-нибудь за последние сорок лет – начал он, после того как я был допущен обратно в комнату – Потому что тебе придется быть предельно осторожным. Мне так и не удалось выяснить, чьи интересы здесь затронуты.

— А почему здесь должны быть затронуты чьи-то интересы? – удивился я.

— Потому что за два патрона не сажают на шесть с половиной лет даже в Сирии.

— Конечно, там за это расстреливают на месте. Этими самыми патронами.

— Возможно. Но застреленных нельзя использовать в качестве заложников.

— Заложников? Еще одна теория заговора? – усмехнулся я – Как тогда, когда экзальтированный юнец застрелил Главу Правительства. Чего только тогда не напридумывали.

— Напридумывали? – Йорам поднял бровь, но продолжать свою мысль не стал.

Я задумался. С Йорамом я был знаком с 73-го года, но никогда не был уверен, что знаю его хорошо. Был он всегда загадочен, всегда немногословен и всегда уверен в себе. Растерянным я видел его только один раз, в том же 73-м, когда один романтически настроенный молодец с чужими ефрейторскими погонами на плечах отказался эвакуироваться вместе с ним на вертолете. Этот молодец тогда легко отделался, а вот многие другие погибли. По словам отца, Йорам тогда получил славный разнос от моего дяди Натана, который к тому же был и его начальником.

— Ты должен был скрутить его, как тебя учили, и привезти его в таком виде – орал Натан на Йораму, имея ввиду меня – Или, в крайнем случае, стукнуть его чем-нибудь тяжелым по голове и привезти бесчувственное тело.

Дядя был чем-то вроде шпиона или, по крайней мере, имел отношение к системе безопасности. Но несмотря на профессию, его, обычно такого мягкого и интеллигентного, нелегко было представить гневно орущим, поэтому я отцу тогда не поверил, хотя и помнил рассказ Натана о том как он резал горло сирийским артиллеристам. Но потом, пару раз, мне самому пришлось видеть Натана в ярости, и, хотя эти случаи я не люблю вспоминать, после них отцовский рассказ уже не выглядел преувеличением. Как бы то ни было, но Йорам, похоже, на всю жизнь сохранил чувство вины и потом несколько раз выручал меня в ситуациях, когда ему не стоило бы этого делать. А может, он просто был мне другом. Вот и теперь, он явно сказал больше чем следовало и развивать свою мысль явно не собирался. Мне вспомнились слова Аббы Эбана, сказанные им моей Наоми почти полвека назад:

"... Среди них есть и более вменяемые, но и этим застит разум призрачная перспектива немедленного мира. Эти-то в конце концов поймут, ну, уввы, нескоро, очень нескоро. Ох, как бы не было поздно..."

Похоже, что один из них понял, и даже попытался об этом сказать. Вот только не всех это понимание устраивало и ему заткнули рот пулей, которую выпустил молодой придурок, марионетка в опытных руках. Теперь история с убийством Премьера начинала выглядеть по-другому, но это была не моя история и я бы выбросил ее из головы, если бы не проскальзывающая в словах Йорама аналогия.

— Времена изменились – продолжал Йорам – Теперь тебе никто не даст в руки винтовку и не предложит место в бронетранспортере. Тогда, на Синайском шоссе с тобой были наши ребята, а там, в Москве, ты будешь совсем один.

— О чем ты? – изумился я – Тогда была война. Но она кончилась.

— Война не кончалась никогда, она и сейчас идет – возразил Йорам – Только тогда было проще.

Для него, как и для дяди Натана, это действительно было так, но мы с Наоми отнюдь не чувствовали себя живущими на линии фронта. И все же его мысль была понятна.

— Хадасса Бар-Нахман стала заложницей российских властей, это несомненно – он посмотрел на меня – Тебе предстоит выяснить, кто за этим стоит. Постарайся при этом не лезть на рожон. На этот раз за тобой не пришлют вертолет. Как я уже сказал, меня беспокоит, что ты едешь один. Надо бы с тобой послать кого-нибудь из "русских".

Да что они с Наоми сговорились, что ли? А Йорам продолжил:

— Ты знаешь, что Сергей Ингинен давно живет в Израиле, у дочки? У них очень милый домик в Йокнеаме.

Это был для меня сюрприз, хотя поначалу я долго не мог вспомнить, кто такой Ингинен. И немудрено, ведь последний раз я видел его в Египте, сорок лет назад, когда он уходил босиком через наши посты.

— Его, пожалуй, может подвигнуть на этот подвиг одна некоммерческая организация – продолжал Йорам – У меня остались кой-какие связи, и я попробую уговорить их оплатить вам билеты и гостиницу в рамках гуманитарной миссии. Только не пускайтесь там во все тяжкие. Впрочем, ты уже слишком стар для этого.

Йокнеам находится на полдороги от Кирьят Шмона до Нетании и я, попросив Йорама договориться с Ингиненом о встрече, поехал обратно на юг. По пути я заехал в кибуц на берегу Иордана. Много, много лет назад, я впервые увидел этот поселок с вершины невысокого холма, еще не зная, что здесь, внизу, найду могилу моей матери. Тогда я даже не мог прочесть надпись на ее могиле, и мой дядя показал мне букву "далет" с которой начиналось мамино имя. Теперь там три моих могилы и я давно уже умею читать надписи на них. Неизменная "далет" начинает простую надпись на надгробии моей матери, а рядом стоит могила отца, потому что на кибуцных погостах можно хоронить и неевреев. И хотя в последние годы отец редко приезжал из Кентукки, но Фрэнки "Шерман" и в свой последний раз сумел появиться в нужное время и в нужном месте. Его провожали немногие из оставшихся ветеранов Пальмаха, помнящие старого танкиста. Пришел и Арик, еще более грузный, но все такой же энергичный, в сопровождении охраны. Мы с дядей долго не могли решить, что выбить на надгробии. Ни протестантский крест, ни еврейская звезда Давида отцу не подходили, да и на маминой могиле была только надпись "Дафна Розенфельд-Кранц" и больше ничего. Поэтому, мы попросили изобразить силуэт танка и, я думаю, отец остался бы доволен. Ну а через год, к папе и маме присоединился и дядя Натан.

На полпути до Йокнеама, мне позвонил Ингинен, до которого уже успел добраться Йорам, и объяснил, как его найти. Городок изменился за последние десять лет, разросся, и вряд ли лани еще выходили из леса объедать молодые плодовые деревья, как это было раньше. Теперь это был типичный израильский город, ночное прибежище программистов и чиновников, работающих днем в его промышленной зоне. Семья Ингиненов жила на краю леса, в небольшом коттедже-триплексе, типичном для этих мест.

— Рад тебя видеть, Сергей – сказал я по-русски, когда он открыл дверь на мой звонок.

Ингинен поднял бровь. Вслед за этим последовало знакомство с семьей: молодой женой, дочкой, зятем, двумя внуками и неизменной собакой. Жена и дочка улыбались, слушая мой ломаный русский, зять удалился на компьютер, дети бесились, а черный лабрадор исподтишка облизывал мне руку в надежде на подачку. Наконец все успокоилось, а мы с Сергеем смогли уединиться в саду и с облегчением перешли на иврит. Несмотря на свой более чем скромный стаж в стране, языком он владел свободно, если даже не виртуозно. Похоже, что тогда, в 73-м, он не врал, утверждая, что у него способности к языкам. Правда в тот раз

Ингинен еще грозился жениться на моей Наоми, но это я ему простил за ключ для египетской рации. Постепенно в моей памяти проявлялся, как на старинном негативе, наш давний разговор в заброшенном здании на том берегу Большого Горького озера. Вспомнилось все или почти все, что он рассказал нам с Йорамом и Моти.

— Это и был твой якорь? – я показал головой на дверь, за которой была его жена.

— Это тоже якорь – усмехнулся Сергей – Но только другой. Этот якорь держит меня в твоей стране. А того больше нет.

Я посмотрел на его нахмуренное лицо, не стал больше расспрашивать и перевел разговор на другую тему:

— Как там товарищ Парфенов? Жив еще? – спросил я – Или он теперь господин Парфенов?

— Зарезали товарища Парфенова в Бейруте, не успел он стать господином. Заигрался наш общий друг стравливая шиитов с маронитами, а они возьми, да и договорись. Было это еще в начале 80-х.

Не могу сказать, что я сильно расстроился. В этот момент в лесу завыл шакал, к нему тут же присоединился другой и третий. Концерт продолжался с полминуты и закончился так же внезапно, как и начался. Сергей посмотрел на экран телефона:

— Восемь вечера. По нашим соседям из леса можно часы проверять. А не перейти ли нам теперь к делу?

Дело я постарался изложить сжато и, насколько возможно, без эмоций. Вот только у меня было серьезные сомнения насчет его желания поучаствовать в моей миссии. Ну совсем незачем было пожилому уже человеку покидать семью, детей и внуков и влезать по уши в сомнительную авантюру. Представьте себе мое удивление, когда он ответил коротким:

— Согласен.

Наверное у меня был дурацкий вид, потому что он усмехнувшись, пояснил:

— Надоело мне быть на старости лет нахлебником, да и в няньки я не гожусь. А тут какое-никакое, а дело.

Сергей был, пожалуй, постарше меня, но выглядел крепким стариком, отнюдь не старикашкой. Пожалуй, против такого спутника не возразила бы и моя Наоми, не говоря уже про Йорама. Но следовало все же кое-что проверить: тогда, в 73-м он был на другой стороне, хотя и сочувствовал нам. А кто он теперь и за кого он теперь? Меня насторожили предупреждения Йорама и я хотел бы убедиться, что в случае чего смогу рассчитывать на Сергея.

— Как тебе эта страна? – спросил я его осторожно.

Мне вспомнилось, как этот вопрос задавали мне разные люди. Первым был, если не ошибаюсь, дядя Натан. Он знал по себе, что к нашей стране привыкаешь не сразу и не хотел, чтобы его внезапно обретенный племянник принимал скоропалительные решения. Тогда, в 73-м, мой процесс абсорбции протекал стремительно, как благодаря войне, так и благодаря моей Наоми. Помнится, я ему тогда ничего не ответил, а свой ответ он получил через пару дней, когда навещал меня в госпитале. Правда, я и тогда ничего не сказал, да он уже ничего и спрашивал. Теперь же была моя очередь спрашивать, и я ждал ответа.

— Так себе страна – сказал Ингинен.

И опять он меня изумил. Так, на моей памяти, мог отвечать только человек по настоящему сросшийся с этим клочком земли между пустыней и морем. Мой собеседник, похоже, читал мои мысли.

— Эта земля вначале заманивает и околдовывает – добавил он – И только потом начинают раздражать необязательность и вечные опоздания. Но тогда уже поздно – ты прикипел к ней и она стала твоей.

Ну и дела, подумал я, он же моего дядю Натана цитирует! Неужели они были знакомы? Хорошо, что хоть дороги не упомянул. Дороги у нас теперь вполне на уровне.

Я покидал Йокнеам вдохновленный перспективой спасти Хадассу вместе с Ингиненом, к которому испытывал симпатию еще со времен Войны Судного Дня. Начались предпоездные хлопоты. Для начала я уволился на работе, к огромному облегчению молодых инженеров, которые долго и с искренней радостью пожимали мне руку. Начальник выразил сожаление, и на одно мгновение мне даже показалось, что он искренен.

Потом пришла очередь некоммерческой организации, которая мне сразу не понравилась. Я вообще не доверяю некоммерческим структурам. И нас в стране их обзывают эвфемизмом "организация, созданная не с целью получения прибыли". Однако, в подобных конторах частенько крутятся такие средства, что какова бы ни была изначальная цель их создания, она давно была забыта, также как и принцип не получать прибыли. И порой не совсем понятно, чем эти подозрительные структуры на самом деле занимаются. Вот и в офисе этой неприбыльной конторы, занимающей пол-этажа в престижной высотке в центре Тель-Авива, не было заметно признаков бедности, породистая секретарша вызвала чувство неполноценности, а прилизанному менеджеру хотелось сказать какую-нибудь гадость. Сомнительная контора носила претенциозное название "Всеобщая Справедливость" и одно это вызывала подозрение в том, что здесь не пахнет ни справедливостью ни всеобщностью. Импозантный менеджер принял меня подозрительно легко и так же подозрительно легко согласился спонсировать нашу "гуманитарную миссию". Мне даже был предложен некоторый аванс. Правда за все эти блага пришлось расплачиваться, выслушивая невразумительные объяснения насчет весьма благородных, но не совсем ясных целей и задач "справедливости". В конце концов, я остановил этот поток красноречия, поинтересовавшись источниками такого щедрого финансирования. К моему удивлению, он не стал размусоливать, а ответил кратко:

— Пожертвования.

... Но после этого немедленно скомкал разговор. Сразу после визита к ним, я позвонил Йораму и поделился своими сомнениями.

— Они согласились оплачивать вашу поездку? – поинтересовался он.

Оплачивать-то они согласились, но при этом напустили такого тумана, рассказывая о своих целях, что я не знал стоит ли с ними связываться.

— Соглашайся Стэнли – потребовал Йорам – А заодно и присмотришь к этим орлам. Не исключено, что они – звено в цепочке. Мы тоже будем за ними присматривать.

Теперь во всей этой истории появился хоть какой-то смысл, хотя тумана по-прежнему было слишком много, причем со всех сторон. Например, было неясно, кто эти "мы", которые будут присматривать за подозрительной организацией? Вряд ли это был сам Йорам, не способный даже самостоятельно передвигаться.

Глава 2. Хрябинск. Московская область

Билеты на рейс “Эль Аль” стоили столько же, сколько и на аэрофлотовский рейс и я решил проявить патриотизм, не спрашивая Ингинена. Наш рейс приземлился в аэропорту Домодедово, название которого, судя по всему, специально придумали для того, чтобы иностранцы сломали язык и не болтали бы потом слишком много в Москве. Паспортный контроль, признаюсь, меня несколько напряг. После истории с Хадассой, израильтяне до минимума сократили свои поездки в Россию, особенно транзитные, опасаясь дальнейших захватов заложников. Но нам не чинили никаких препятствий и пограничница даже улыбнулась Сергею. Теперь нужно было попасть в подмосковный Хрябинск, где, в колонии, как здесь назывались тюрьмы, держали Хадассу. Нам пришлось сменить комфортабельный аэропортовый экспресс на метро, а метро – на пригородную электричку. Метро показалось мне не слишком загруженным, несмотря на предупреждения знакомых, а вот в электричке почти не было свободных мест. Меня удивило, что на нас с Ингиненом не обращали внимания, хотя мы говорили на иврите, но Сергей предположил, что нас принимали за иностранных рабочих, которых в этих местах было немало. И верно, далеко не все вокруг говорили по русски. Внезапно, все люди в вагоне поднялись со своих мест и устремились через тамбур в соседний вагон. Я уже начал было искать глазами огнетушитель на стене, но Ингинен, ухмыляясь во весь рот, объяснил:

— Контролеры.

Действительно, по опустевшему вагону, от противоположного тамбура, двигались две женщины в серой униформе. Мы оказались единственными, у кого они, с брезгливой гримасой, проверили билеты.

— Умом Россию не понять... – произнес Сергей по русски нарочито медленно.

Поезд, наконец, выбросил нас на перроне небольшого вокзала в Хрябинске, где, недалеко от станции, Сергей нашел нам скромную, но чистую комнату на двоих в гостинице. Приехали мы в город уже затемно и на меня, побывавшего в свое время и в Санкт-Петербурге и в Москве, привокзальная площадь не произвела впечатления. Пожалуй, именно так я и представлял себе российскую глубинку. Что касается народа на площади, то они мало отличались от такой же публики в северной Европе или в зимнем Израиле. Я даже подумал, что русским шпионам в Штатах не требуется сейчас приодеваться в “Мейсис”, как это сделал Николай Парфенов в 1973-м. Первым делом в Хрябинске следовало встретиться с матерью Хадассы, Товой Бар-Нахман, которая жила здесь уже несколько недель и непрерывно общалась с адвокатами. Адвокатов я решил оставить Сергею, а с Товой мы решили вместе поехать завтра к Хадассе, тем более, что это как раз был разрешенный для свиданий день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.